

Юньци допустил в самом начале оплошность, которая повлекла за собой целую череду ошибок. Этот ход вслепую вылился в смертельную проблему для них обоих, финалом которой стал унижительный побег и тяжёлые раны.

Когда впоследствии он вспоминал те дни, то пришел к осознанию, что все трагедии произошли именно из-за той ошибки, совершенной в самом начале.

А ошибка заключалась в следующем. Стражи Цзиньвэй, с детства не приученные к труду и оторванные от реальности, совершенно не разбирались в сельском хозяйстве, и тем более не знали, что не у всех коров есть молоко.

Красный лак облупился, надпись выцвела. На чёрной как смоль каменной стеле было высечено два слова.

«Река Удинхэ*»

* Удинхэ (黄河) — река в северном Китае, приток Хуанхэ.

Рана на спине Юньци побелела от влаги. Тоба Фэн вытолкнул его на берег, и мужчина выкашлял воду вперемешку с песком.

— Юньци! — Тоба Фэн потряс его. Юньци слабо проговорил: — Надо найти место... чтобы вырезать... пулю...

Тоба Фэн дрожащими руками раскрыл рану на плече Юньци и осторожно вырезал железный шар своим мечом Сючунь.

Поднялась песчаная буря, и лицо небесного владыки вмиг омрачилось. Оставаться у реки Удинхэ дальше было небезопасно. Тоба Фэн сплюнул несколько раз прозрачную воду, взвалил Юньци на спину и, словно дикий волк, заковылял прочь.

Свирепый ветер бушевал, вздымая песок и заметая его следы. Юньци в полубреду шептал:

— Теперь усыпают их жалкие кости берег реки Удин... Лишь в сновидениях жен оживают, смерти своей вопреки*...

* Строки из стихотворения поэта династии Тан Чэнь Тао «Песнь Луншаньских гор» (鹿台歌). Перевод: alelnik. Полная версия в конце главы.

После череды побегов, ранений и отравления тело Юньци достигло предела. Он больше не мог держаться. Несколько раз, едва не прервавшись, его дыхание почти угасало.

Пересохшие губы Тоба Фэна потрескались и кровоточили, но он всё так же бесцельно брёл вперёд.

— Юньци, ты не умрёшь... Лучше плохая жизнь, чем славная смерть... — пробормотал Тоба Фэн.

— М-хм, — отозвался Юньци.

Он даже забывал проверять, жив ли Юньци на его спине или уже мёртв. Испытания последних дней давно вышли за грань его понимания. Он лишь слепо плутал без остановки, словно пытался выбраться из песчаной бури и найти камень, чтобы отдохнуть. Однако, проходя мимо укрытия от ветра, он даже не взглянул на него и продолжил свой путь.

— Куда мы идём...

— Не знаю, — стиснув зубы, ответил Тоба Фэн. Он споткнулся и чуть не рухнул на землю.

Посреди тусклой песчаной бури появилась хижина.

Тоба Фэн, неся на плече Юньци, перелез через заднюю стену, и оба с грохотом упали на землю, потеряв сознание.

В переднем дворе громко залаяла собака. Хозяин, выйдя с фонарём, увидел двух засыпанных песком высоких парней, которые лежали у него во дворе. Он сильно перепугался и поспешно втащил их в дом.

— Это ты?

— Как же так, эх... Дайте господину Сюю воды.

Тоба Фэн влил Юньци в рот немного воды, и тот резко закашлял. Его лицо, прежде бледное от чрезмерной потери крови, залилось румянцем.

Тоба Фэн сам отхлебнул воды и, поцеловав Юньци, передал её изо рта в рот.

Дыхание Юньци постепенно выравнивалось. Сюй Муда с лёгким вздохом произнёс:

— Рыбы оказались на суше, сплетясь и увлажняя друг друга дыханием и пеной*.

* «[Рыбы оказались на суше], сплетясь и увлажняя друг друга дыханием и пеной» (□□□□) — обр. помогать друг другу в трудном положении, делиться последним куском хлеба. Полная цитата:

«Ручей высох, и рыбы оказались на суше, сплетясь и увлажняя друг друга дыханием и пеной. Но лучше забыть друг друга в реках и озёрах.

Чем прославлять Яо и осуждать Цзи, лучше забыть их и раствориться в Пути». — из Чжуан-цзы, «Внутренний раздел», глава «Великий учитель» (ок. 369—286 гг до н.э.).

Тоба Фэн тяжело вздохнул:

— Со мной ему только и приходится, что страдать. — С этими словами он повернулся и спросил: — Как ты здесь оказался? Помнится, ты был замешан в деле Лань Юя. Разве твой род не истребили до девятого колена?

— Почему ты называешь меня благодетелем?

Сюй Муда поставил масляную лампу на деревянную тумбочку, нашёл табурет и сел, ответил:

— В тот год этот ничтожный оказался втянут в дело генерала Лань Юя... Господ из Военного министерства казнили, истребив их роды до девятого колена... Этот ничтожный уже думал, что ему конец, но господин Сунь с братьями из Цзиньвэй прибыли объявить высочайшую волю. Они сказали, что господин Сюй попросил императора пощадить жизнь этого ничтожного и лишь сослать его на военную службу...

Тоба Фэн с сомнением спросил:

— Юньци просил пощадить тебя?

Тоба Фэн слышал лишь о том, что Юньци подставил Сюй Муду. Это совершенно не совпадало с рассказом самого Сюй Муды, и он совсем запутался, поэтому спросил снова:

— А что сказал Сунь Тао?

Сюй Муда, со слезами на глазах, произнес:

— Господин Сунь сказал, что этот ничтожный обязан своим нынешним положением лишь Цзиньвэй и велел крепко-накрепко это запомнить... Этот ничтожный хотел выбраться за пределы дворца, только чтобы поклониться до земли моему благодетелю Сюю, но в тот же день меня под конвоем увели в армию...

«...»

Выражение лица Тоба Фэна мгновенно стало крайне странным, а плечи неудержимо

затряслись. Юньци же всё это время притворялся спящим, но сейчас не выдержал и сильно ущипнул Тоба Фэна за ладонь. Истерический смех Тоба Фэна тут же застрял в горле.

Сюй Муда покачал головой и вздохнул:

— Господин Тоба, вы не стали вспоминать прежние обиды и пощадили жизнь этого ничтожного, его жены и детей. Так что этот ничтожный навсегда сохранит эту великую милость в своем сердце...

На лице Тоба Фэна застыло такое выражение, будто он не знал, плакать ему или смеяться. Несложно было догадаться, что в тот год Сунь Тао, вероятно, со злорадством бросил что-то в духе: «Ты обязан своим нынешним положением лишь нашему заместителю Сюю, так что заруби себе это на носу, мелкая сошка» или тому подобное.

Однако Сюй Муда сразу же истолковал это так, что весь его род подлежал истреблению, а имущество конфискации, и лишь благодаря тому, что за него вступился Сюй Юньци, он избежал беды.

Если бы этого глупца обезглавили и его призрак попал в загробный мир, то он даже не знал бы, что его ложно обвинили.

За стенами дома завывал ветер, а с крыши продолжал сыпаться мелкий песок. Сюй Муда, накрывшись шерстяным одеялом, уснул на полу. Тоба Фэн перевязал Юньци рану на плече, обнял его и лёг вместе с ним на кровать.

— Больно? — с тревогой спросил Тоба Фэн, прижавшись губами к уху Юньци.

Юньци тихим голосом, слышным лишь им двоим, проговорил:

— Чжан Цинь отплатил черной благодарностью, а Сюй Муда спас наши жизни... Вот каков этот мир...

Тоба Фэн прошептал:

— Я слышал топот лошадиных копыт за домом...

— Нельзя его убивать, — тут же строго сказал Юньци. — Этот парень прямолинейный, иначе в те годы в Военном министерстве он бы не подрался с тобой. Давай сначала посмотрим, что будет.

Тоба Фэн снова с беспокойством взглянул на Сюй Муду.

— Ши-гэ... Куда это ты тянешь свою руку.

— А, люблю тебя.

«...»

Дыхание Юньци участилось, заглушаемое завываниями ветра, наполняющими небо.

— Я заметил, что ты всегда любишь... во время... не трогай сзади... нельзя там, а...

— Не двигайся, — прошептал Тоба Фэн. — Подними ногу.

На бледном лице Юньци проступил болезненный румянец. Тоба Фэн притянул ногу Юньци к своему боку, развязал пояс его штанов и погрузил внутрь пальцы.

Мужчина одной рукой обнимал Юньци, а другой медленно надавливал и массировал его задний проход, доводя Юньци до крайнего смущения. Его промежность затвердела и невыносимо ныла от напряжения.

Длинные пальцы Тоба Фэна проникали всё глубже и глубже, погружаясь внутрь. Юньци наконец не выдержал и тихонько застонал. В его задний проход безудержно вонзался Тоба Фэн, а его член спереди набух от возбуждения, источая влагу.

Тонкие штаны Юньци были спущены почти наполовину, и сквозь ткань он ощущал возбуждённую плоть Тоба Фэна. Юньци тихо застонал от наслаждения:

— Не надо... нельзя сзади...

Пальцы Тоба Фэна продолжали ритмично двигаться в Юньци. Не отрывая от него пристального взгляда, он прошептал:

— Знаю.

Юньци заворожённо смотрел на прекрасное лицо Тоба Фэна. Брови мужчины слегка дрогнули, а затем его твёрдые губы сомкнулись, и он улыбнулся.

— Над чем ты смеёшься? — В глазах Юньци выступили слёзы, и он взмолился: — Осторожно... понежнее.

— Над тем, какой ты развратник, — улыбаясь, тихо ответил Тоба Фэн и крепко прижал Юньци к груди. Их возбуждённые члены соприкасались, потираясь друг о друга.

Лицо Юньци залилось краской, на него накатывала усталость, но в этот момент указательный и средний пальцы Тоба Фэна глубоко вонзились в него сзади, погрузившись до упора. Юньци смущённо простонал, и всё его тело содрогнулось.

Тоба Фэн поспешно убрал руку, тяжело дыша, прильнул к губам Юньци и тёплой ладонью обхватил их возбуждённые члены. Юньци почувствовал липкую влагу, и его веки отяжелели. Он поцеловал Тоба Фэна в его мужественный профиль и прошептал:

— Не могу больше... страшно хочется спать...

— Спи, — устало выдохнул Тоба Фэн. Долго сдерживаемая страсть наконец получила небольшую разрядку. Юньци был ранен, так что Тоба Фэн не смел мучить его дальше. Его переполняла лишь глубокая жалость. Нежно обняв Юньци одной рукой, он с заботой прикоснулся губами к его прямым, словно меч, бровям, а другую руку просунул под одеяло, чтобы достать халат и обтереться.

Верхняя одежда лежала слишком далеко — Сюй Муда повесил её у печки. Что же делать?

Юньци, видимо, ещё не спал и вдруг насмешливо бросил:

— Вытри об одеяло.

Тоба Фэн почувствовал себя крайне неловко. Работа по ликвидации последствий была не закончена, как вдруг он заметил на прикроватном столике чашу, наполовину наполненную водой. Тогда он слегка приподнялся, помыл в ней руки, и на этом управился.

По спине Юньци пробежали мурашки, он сквозь зубы процедил:

— Уж лучше бы ты вытерся об одеяло...

Тоба Фэн поспешно ответил:

— Спи, спи, спи, хватит ворчать...

Проведя целый день в дороге, оба невероятно утомились и постепенно уснули.

Сюй Муда нёс службу на пограничной заставе. Это место находилось на самом краю западной границы, и всю ночь здесь бушевала песчаная буря.

Неизвестно, сколько времени спустя, Сюй Муда сбросил одеяло, поднялся и, толкнув дверь, вышел из комнаты.

Тоба Фэн мгновенно насторожился и открыл глаза.

— Бом... бом... бом...

Забил большой колокол. Лошади заржали, и звуки далеко разносились ветром.

Тоба Фэн вмиг перевернулся и вскочил на ноги. Выхватив из-за спины меч Сючунь, он вылетел за дверь.

— Монголы!

Сюй Муда залез на сторожевую башню и громко закричал в сторону востока. Пограничная застава вдали получила его сообщение, и не прошло и минуты, как распахнулись деревянные ворота. Оттуда выбежали сотни скакунов.

Песчаная буря проносилась с запада на юго-восток, поэтому пограничные солдаты не могли раскрыть глаза. Северные монголы были невероятно жестоки, они обнажили сабли и принялись рубить ими направо и налево. Солдаты минской армии оказывали им сопротивление, но непрерывно отступали.

Сюй Муда спустился со сторожевой башни и хотел оседлать коня, но его уже забрал Тоба Фэн. Со стороны военного тракта хлынули бесчисленные пограничные солдаты. Тоба Фэн встряхнул поводья и влился в основной поток обороняющейся армии.

— За мной! — проревел Тоба Фэн. Затем, развернув длинный меч, он стремительно врезался в авангард армии Северной Юань, сбросив нескольких врагов с коней.

Юньци тоже проснулся. В панике он вскочил на ноги, распахнул дверь, и сухой ветер больно обжег ему горло. Тогда он схватил со стола чашу с водой и сделал несколько глотков, спрашивая на ходу:

— Сюй Муда, есть лук и стрелы?

Сюй Муда, у которого Тоба Фэн отобрал коня, как раз стоял на месте и оглядывался по сторонам. Услышав его, он поспешно зашёл в дом и принёс лук со стрелами.

Отчего у воды такой странный привкус... Юньци вдруг вспомнил о вчерашнем происшествии, и у него волосы встали дыбом. Он выплюнул воду прямо на Сюй Муду.

— Вот уж правда сам навлёк на себя беду... — посетовал Юньци.

Сюй Муда растерянно спросил:

— Что такое?

— Ничего, на тебя перелетели дети Тоба Фэна...

Вне себя от ярости, Юньци схватил длинный лук и поспешно взобрался на сторожевую башню, оказавшись перед бескрайними жёлтыми песками и песчаной бурей, затянувшей всё небо. С усилием он натянул длинный тяжёлый лук.

Рана на плече ещё не зажила, и когда он натягивал тетиву, левая рука непрерывно дрожала. Тоба Фэн, ведя за собой сотни защитников, ринулся вперёд и переломил ход сражения, в котором враг имел подавляющее преимущество..

Первая стрела Юньци вылетела подобно метеору и сбросила с коня монгола, устремившегося к Тоба Фэну со стороны!

В мгновение ока хлынул поток стрел. Высокая сторожевая башня словно превратилась в смертоносное дуло пушки. Десятки острых стрел, выпущенные следом, первыми попадали в цель, пронзая желтый песок, и один за другим воины Северной Юань падали с коней.

Тоба Фэн оглянулся и погнал коня во весь опор. Рана на плече Юньци снова разошлась. Преодолевая боль, он ухватился за деревянные балки сторожевой башни, прыжками спустился и упал спиной на Тоба Фэна.

— Не стреляй из лука, у меня сердце кровью обливается, — глухо произнёс Тоба Фэн. Сжав бока коня, он отпустил поводья. В левой руке он держал меч Сючунь, а в правой клинок «Семь звезд». Взмахнув ими, он обратил войско монголов в бегство.

Юньци метал клинок Чаньи. Они вдвоем мчались на одном коне, сокрушая всё на своём пути. Позади и впереди них земля была усеяна телами павших воинов Северной Юань. Захватчики, не смея более сражаться, в панике разворачивали коней и отступали.

— Сбежали.

Тоба Фэн облегчённо выдохнул и повернулся, чтобы осмотреть рану на плече Юньци, но тот развернул его голову обратно и серьёзно сказал:

— Ещё нет. Сейчас начинается настоящий бой на смерть.

Тоба Фэн в изумлении замер. В песчаном вихре на северо-западе показалось иссиня-черное жерло пушки.

Минские войска тут же пришли в ужас, все закричали:

— Отступаем!

И тогда боевые кони впали в панику, поспешно бросившись наутек.

— Нельзя отступать! — закричал Юньци. — Если отступим, то точно погибнем!

Однако оказалось, что эта пушка принадлежала не подкреплению армии Северной Юань. Её жерло стремительно развернулось вправо, оставив пограничные войска Мин, и нацелилось на бегущих в панике на север монгольских всадников.

С оглушительным грохотом из дула пушки вышел клуб чёрного дыма, и снаряд, подгоняемый ветром, полетел в сторону бегущих юаньских солдат, убив почти десять человек.

Тоба Фэн и Юньци повидали множество битв и оба понимали, что летящее по воздуху ядро редко поражает цель. По-настоящему убивает оно только при ударе. Сейчас же несколько человек находились прямо в зоне поражения пушки.

— Кто эти люди? — Тоба Фэн прислушался, пытаясь сквозь ветер разобрать, что это за странные звуки, и сказал: — Хуэй тоже присоединились к бою?

— Пойдём, посмотрим, — предложил Юньци. — Неизвестно, друг это или враг, слишком опасно.

Они продолжили приближаться к вражеской пушке.

Сто чжанов, пятьдесят чжанов... Солдаты издавали неразборчивые крики. Тоба Фэн резко осадил боевого коня.

— Что такое? — Юньци дрожал от напряжения.

Тоба Фэн медленно повёл коня внутрь окружения. Вражеский командир у пушки, закутанный в белый тюрбан, наконец облегчённо вздохнул и поспешно подбежал с криком:

— Аллах всевышний! Младший шурин! Наконец-то я вас нашёл!

— Саньбао?! — воскликнул Юньци. — Как ты сюда попал?!

С того дня, как Юньци и Тоба Фэн пропали, Ма Саньбао, по приказу Сюй Вэнь, развернул вдоль поля боя от Пекина до Цзинаня широкую поисковую сеть.

В то время Северная армия не могла взять Цзинань, обороняемый Те Сюанем, и основные силы отступили, что неявно создало множество препятствий для поисков. Саньбао с сотней людей двинулся на запад и по пути неоднократно сталкивался с засадами. После нескольких ожесточенных боёв почти все телохранители, посланные Чжу Ди, пали.

Без защиты Саньбао пришлось переодеться торговцем, нанять носильщиков для перевозки больших сундуков, закупить сотню ружей и отправиться на поиски в сторону северо-запада.

Когда Саньбао добрался до племени хуэй в пустыне, то благодаря своему особому статусу узнал, что Юньци и Тоба Фэн скрываются в этих краях. Тогда он призвал племя хуэй двинуться на север и, одолжив у них солдат и лошадей, решил прорваться на северо-западную границу, чтобы разведать обстановку.

Увидев Юньци, Саньбао словно истратил все свои силы и заплакал:

— Наконец-то я нашёл вас, младший шурина.

С этими словами он, не обращая ни на что внимания, бросился вперёд, упал на колени и начал кланяться. Окружавшие их хуэйские солдаты в тюрбанах тоже подняли шум, громко заголосив.

Саньбао развернулся и свирепо отругал своих подчинённых, после чего те несколько сотен хуэйских воинов один за другим опустились на колени. Бескрайняя пустыня оказалась усеяна множеством преклонивших колени солдат в белых одеждах, и зрелище это было поистине грандиозным.

— Что это значит? — поспешно спросил Юньци. — Ладно, ничего, Саньбао, вставай.

— Этот ничтожный во всём виноват, он думал только о том, чтобы передать сообщение... За то, что не подумал о младшем шурина, этот ничтожный заслуживает смерти!

Саньбао, с лицом, залитым слезами, громко закричал:

— Этот ничтожный заслуживает смерти!!

С этими словами он поднял руку, чтобы ударить себя по лицу.

Юньци сказал:

— Ладно, не плачь. Если бы мы знали, что ты придёшь, то нам бы не пришлось скрываться.

Не успел он договорить, как Ма Саньбао рухнул на землю. От крайнего изнеможения он

потерял сознание.

В сердце Юньци поднялось чувство вины. Он не ожидал, что Саньбао проявит такую преданность. После истории с перстнем из панциря черепахи он несколько опасался Саньбао, но теперь этот слуга искал его дни и ночи напролёт, отчего Юньци стало немного неловко.

— Ши-гэ, ты знаешь хуэйский? — спросил Юньци.

— Немного, — скромно ответил Тоба Фэн.

Тюркский и хуэйский относились к ближневосточной языковой группе, и Тоба Фэн, хоть и с запинками, кое-как мог с ними объясниться.

Юньци поднял Саньбао, уложил его на лошадь и сказал:

— Передай им, чтобы уходили. Захвати Сюй Муду, двинемся на восток, отправляемся сейчас же.

Песчаная буря утихла. Повозки торгового каравана, звеня серебряными колокольчиками, медленно продвигались по барханам Гоби. На горизонте уже проступали первые пятна зелени.

Ма Саньбао долго спал и, очнувшись, отрывками доложил военную обстановку. Юньци и представить не мог, что за несколько дней их с Тоба Фэном отсутствия в Северной армии произошло столько событий.

Чжу Ди отвел воды Хуанхэ, чтобы затопить Цзинань, и Те Сюань во главе своих людей сдал город, выдвинув единственное требование: для принятия капитуляции Янь-ван должен был въехать в город в одиночку, без свиты.

Чжу Ди не ожидал подвоха и въехал в Цзинань всего с несколькими десятками телохранителей. В момент, когда он вступил в город, стража на высокой городской стене дружно провозгласила «С почтением встречаем Янь-вана!» и сбросила на него тяжёлый камень весом в тысячу цзиней. Чжу Ди, заранее готовый, успел отскочить, но лошади, везущие повозку, превратились в кровавое месиво.

— Князь сказал, что в Цзинане все единодушны, и штурмовать его бесполезно, поэтому написал Ванфэй письмо, спрашивая, есть ли у неё какой-нибудь хитроумный план...

— Сомневаюсь, что это был зять, — усмехнулся Юньци. — Должно быть, Нин-ван притворился зятем, чтобы войти в город и принять капитуляцию.

Саньбао улыбнулся:

— Младший шурина, вы и вправду умны.

— И что же сказала моя старшая сестра?

Саньбао ответил:

— То письмо от Ванфэй я доставил лично. В нём была всего одна фраза: «Раз не можете взять Цзинань, почему бы не обойти его?»

Юньци громко рассмеялся, подумав, что это вполне в духе его старшей сестры.

Сюй Муду, совершенно сбитый с толку, не удержался от вопроса:

— О чём говорит командир Сюй? Янь-ван хочет взять Цзинань штурмом? Что за беспорядки произошли при дворе?

Сердце Юньци ёкнуло, и он подумал: «Совсем забыл о присутствии Сюй Муды». Он долго взвешивал слова, и прежде, чем успел что-либо сказать, Саньбао уже опередил его с ответом:

— Его Величество попал под влияние коварных чиновников. Сначала они задумали сократить владения князей, а потом поднесли моему младшему шурина отравленное вино. Янь-ван повёл войска, дабы очистить окружение императора от дурного влияния. Сейчас идёт Война ради преодоления трудностей, и они уже дошли до Цзинаня.

Сюй Муду охватил ужас, и он изменился в лице. Сопоставив в уме факты и связав бегство Юньци и Тоба Фэна с этими событиями, он в ужасе воскликнул:

— Как же теперь быть? У командира Сюя же особый статус, сейчас ему следует вернуться в Интяньфу или присоединиться к армии Янь-вана?

На мгновение в повозке воцарилась тишина, все взоры устремились на Юньци.

Юньци посмотрел сквозь оконную решётку повозки и увидел вдали оазис, который, словно большое одеяло, нежно укрывал жёлтую землю.

Чистая огромная река, низвергаясь с высоких гор, серебряной лентой пересекала оазис и текла на восток.

— Что это за место?

Тоба Фэн безучастно ответил:

— Река Керулен.

Юньци спросил:

— Это твой дом? Хочешь вернуться и посмотреть?

Тоба Фэн замолчал.

Саньбао вдруг сказал:

— Младший шурина, я слышал, что вам поднесли отравленное вино, Ванфэй так плакала...

Юньци в оцепенении смотрел на далёкий оазис.

— Ванфэй сказала: «Если он жив — хочу увидеть его лично, если мёртв — хочу увидеть его труп...» — голос Саньбао постепенно стих.

Сюй Муда вмешался:

— Заместитель Сюй, мужчина должен совершать великие дела, служить родине и быть верным императору, а ныне коварные царедворцы чинят самоуправство...

— Теперь он командир Сюй, — Тоба Фэн убрал ногу с подоконника и резко задернул занавеску, преградив Юньци обзор. Выпрямившись, он серьёзно произнёс: — Юньци, куда бы ты ни отправился, ши-гэ пойдёт за тобой.

Юньци кивнул и распорядился:

— Я всё обдумал, все вместе возвращаемся в Пекин.

В это же время.

В Нанкине Чжу Юньвэню вручили докладную записку.

Главнокомандующий Ли Цзинлун подвергся покушению; Сюй Юньци и убийца Тоба Фэн бежали из Цзинаня, и их следы были замечены в районе Нинчжоу.

Мятежник Чжу Ди, не сумев взять город Цзинань, отвёл войска обратно в Пекин.

— На передовой великая победа! Господин Те — столп государства...

— Ваше Величество, не печальтесь! Главнокомандующий Ли отдал жизнь за родину...

Чжу Юньвэнь в оцепенении смотрел на две докладные записки. Хуан Цзычэн, безостановочно размахивая губами, брызгал во все стороны слюной. Услышав «Сюй Юньци», Чжу Юньвэнь наконец вышел из ступора и спросил:

— Что сказал Великий воспитатель?

Хуан Цзычэн, опешив, произнёс:

— Ваш слуга просит разрешения возглавить войска для поимки предателя Сюй Юньци...

Чжу Юньвэнь, словно не обращая ни на что внимания, засунул ту военную сводку под грудку докладных записок и пробормотал:

— Отпустите их. Чжэнь очень устал и не хочет больше этим заниматься.

Хуан Цзычэн нахмурился: «Что за вздор? Разве не ты сам назначил это порождение зла армейским инспектором? И теперь просто отказываешься от ответственности?»

Чжу Юньвэнь махнул рукой:

— Те Сюань приложил огромные усилия и совершил великий подвиг, в одиночку отбив стотысячную армию. Отправьте к нему императорского посла с наградой.

— Чжэнь желает вернуться... — Чжу Юньвэнь поднялся и вдруг замолчал.

Чжэнь желает вернуться, чтобы что? Пойти в императорский гарем? Поговорить с Юнь-гэ-эром?

Сюй Юньци уже покинул его, и часть его жизни словно навсегда исчезла.

— Нет, — сказал Чжу Юньвэнь. — Великий воспитатель, пошлите войска для поимки Сюй Юньци. Если он жив — хочу увидеть его лично, если мёртв — хочу увидеть его труп.

На передовой:

— Начальник Цзинаня Шэн Юн и верховный главнокомандующий войск усмирения севера Те Сюань, внимайте повелению!

Полмесяца спустя императорский посол прибыл в Цзинань. В тот же день, когда Те Сюань получил награду, Чжу Ди во главе тридцатитысячного караула Дояня обошел Шаньдун и, зачистив оба берега реки Таоду, направил острие прямо на Дуньэ.

— Этот слуга готов отдать свою жизнь, чтобы отблагодарить государя за милость! — Те Сюань, стоя на коленях, во главе сотен чиновников Цзинаня почтительно склонился в поклоне и, подняв руки над головой, под восхищёнными взглядами с почтением принял императорский указ.

— Докладываю!

Лазутчик из-за городских стен в спешке ворвался в резиденцию городского начальника.

— Большая беда! Господин Те! Господин Шэн! Янь-ван захватил Дуньэ и двинулся на Сюйчжоу! Караул Дояня уже подступил к стенам Сюйчжоу! Губернатор Сюйчжоу отправил голубиной почтой срочное донесение с просьбой выслать войска для снятия осады!

Те Сюань только что принял императорский указ, и донесение о Северной армии лишило его дара речи.

— Сюйчжоу... Дуньэ... — Те Сюань глубоко вздохнул и закричал: — Отправьте Пин Аня с войсками снять осаду! Одновременно пошлите сообщение Сюй Хуэйцзу в Янчжоу! Немедленно!

Императорский посол слегка разинул рот, перед ним словно разыгрывался фарс.

Однако Чжу Ди основательно провёл Те Сюаня. В тот же день командир гарнизона Дэчжоу Пин Ань выступил в поход с сорокатысячной армией и усиленным маршем достиг реки Фэйхэ, где попал в засаду, устроенную Яо Гуансяо. Авангард был легко разбит, так что Пин Ань пришлось развернуться и запросить поддержки у основных сил.

В это же время Те Сюань остался защищать Цзинань, а Шэн Юн повёл многочисленное войско к Сюйчжоу.

Авангард под командованием Чжу Цюаня развернул сражение на равнине за стенами Сюйчжоу, и тридцать тысяч воинов караула Дояня сошлись в схватке с пятидесятитысячной армией Сюйчжоу, разбив в пух и прах защитников города. Губернатор Сюйчжоу плотно закрыл городские ворота, не смея больше вступать в бой.

Те Сюань оставался в Цзинане и один за другим отдавал военные приказы. Хорошо знакомый с

военными силами каждого города, он ясно оценил обстановку: пока Сюйчжоу не падёт, армия Шэн Юна непременно нагонит Чжу Ди.

Однако Чжу Ди оказался хитрее Те Сюаня. Соединившись с Яо Гуансяо, Северная армия не стала задерживаться у Сюйчжоу. Она вновь обошла крепкий, как черепаший панцирь, город и, развернув войска на юг, устремилась в сторону Янчжоу.

А в это время единственный генерал в Янчжоу — Сюй Хуэйцзу, сын Сюй Да, — получив военную сводку от Те Сюаня, уже выдвигался на север, чтобы оказать помощь Сюйчжоу.

Сюй Хуэйцзу повёл стотысячную армию в полном составе на Сюйчжоу, и Янчжоу опустел.

Чжу Ди же, разминувшись с Сюй Хуэйцзу, без лишних церемоний отправился занимать владения своего старшего шурина.

В это время Сюй Юньци и Тоба Фэн, услышав в пути эти новости, были потрясены. Им ничего не оставалось, как развернуть назад и на полной скорости помчаться к Янчжоу.

Тем временем Шэн Юн с двухсоттысячной императорской армией, изнурённый бесконечным преследованием, плёлся у Чжу Ди на хвосте.

Из Пекина выступило ещё одно многочисленное войско. Сюй Вэнь приняла командование и развернула вдоль реки Фэйхэ сплошное кольцо окружения. Она раздала солдатам десятки тысяч ружей и ожидала решающей битвы с Шэн Юном.

В это время Чжу Юньвэнь всё ещё сидел в императорском саду гарема, предаваясь печали об уходе весны и наступлении осени. Он разглядывал себя в зеркале и, видя свое исхудавшее лицо, с горечью вздыхал о любви, что была так близко, но недостижима. Для императора она всегда была роскошью, на которую можно лишь смотреть издалека.

Терзают грудь воспоминанья немо,

И ветер западный бесчинствует в окне!..

Ты видел бы, как вянет хризантема,

Когда бы заглянул в окно ко мне*.

* Строки из стихотворения поэтессы династии Сун Ли Цинчжао «Туман, облака, долгий пасмурный день...» (□□□ □□□□□□□□). Перевод Ключникова А. М.

А в это самое мгновение сановники при дворе поздравляли друг друга с победой, ещё не подозревая, что Янь-ван уже подступил к их стенам. Он захватил Янчжоу, и стоит ему переправиться через реку, как он окажется прямо в Интяньфу.

Военные силы столицы были истощены, и, находясь в таком шатком положении, она являлась легкой целью.

Чэнь Тао, «Песнь Луншаньских гор» (□□□□□). Перевод: alelnik.

Они поклялись, не щадя живота,

гуннов смести с земли,

Пять тысяч мужей в парче, в соболях,

в гуннской пыли полегли.

Теперь усыпают их жалкие кости

берег безвестной реки,

Лишь в сновидениях жен оживают,

смерти своей вопреки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326098>